

ЖИТИЕ СВ. АГНЕССЫ ПРАЖСКОЙ

Аноним XIV в.

Пер. с лат. Incipit prologus in uitam inclite uirginis sororis Agnetis... // Walter W[arren] Seton, Some New Sources for the Life of Blessed Agnes of Bohemia, Aberdeen: The University Press, 1915. Правописание имён и географических названий исправлено по Dr. K. Vyskočil, Příspěvky k životopisu bl. Anežky České // Hlídka, ročník 46. – Brno, 1929.

В переводе Константина Чарухина

НАЧИНАЕТСЯ ПРОЛОГ К ЖИТИЮ ДОСТОСЛАВНОЙ СЕСТРЫ АГНЕССЫ, КЛАРИССИНКИ ИЗ ПРАГИ, ЧТО В ЧЕХИИ

Часто упрашивали меня пражские инокини ордена св. Клары, чтобы описал я житие и деяния достославной девы сестры Агнессы, дочери Его Величества короля Чехии, дабы пагубное молчание не сокрыло дивной святости той, что по достоинству заслуживает вечного памятования и хвалы, ведь неисследимая Премудрость Божия поместила её, подобно светильнику, на подсвечник Церкви воинствующей и милостиво зажгла её огнем благодати Своей, жар коего она ревностно поддерживала в себе подвигом и другим светила спасительным примером.

И питая надежду на вечное воздаяние, возымел я благое желание исполнить сию разумную и святую просьбу. Однако, осознав по тщательном размышлении, что для этой цели я негоден и недостойн, удержал перо, боясь, что неловкой речью лишь затемню то, что следует возвеличить ярким и сильным похвальным словом. В итоге, принуждённый к сему заповедью послушания досточтимому моему отцу Служителю (В тексте – minister; титул главы Францисканского ордена, придуманный самим св. Франциском; тем самым святой намеревался подчеркнуть равенство братии и служебную роль первенствующего среди них. – прим. пер.), я взялся за дело, превышающее мои силы, предпочитая, смиренно подчинившись, рухнуть под грузом стольких трудов, нежели нагло идти против воли повелевающего, ведь непослушание считается равным греху гадания или преступлению идолопоклонства. Но поскольку мы сами не способны помыслить что от себя, но способность наша от Бога (ср. 2 Кор. 3:5), Который трудности делает для нас желанными и производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению (ср. Флп. 2:13), то, возложив всё упование на помощь Его, я не намерен писать о сей изумительной деве ничего иного, кроме того, что узнал от особ, которые в общении с нею своими глазами узрели величие добродетелей её и чьи показания о подвигах её отнюдь не легко опровергнуть; а о чудесах, которые по её заступничеству Господь милостиво совершил как при жизни её, так и после блаженной её кончины, я почерпнул сведения отчасти от очных свидетелей, а отчасти – из рассказов надёжных свидетелей, с коими таковые случались. А в ходе повествования я во избежание путаницы не всегда придерживался временного порядка событий, но простоты ради так сжато распределил все события в соответствии с темами, независимо от того, когда они происходили, что сторонники краткости не получат повода заскучать. А дабы постепенно воспламенить сердца верных жаждою подражания сей преславной деве, весь ход её жизни я уместил в тринадцати главах, перечисленных ниже.

Итак, в первой [главе пойдёт речь] о её рождении и подвизании в ранние годы. Во второй – о том, какое святое житие вела она после смерти родителей, пребывая в братнем дому. В третьей – о том, как она вступила в орден святейшей Клары. В четвёртой – о её великом смирении и послушании. В пятой – о святой и истинной бедности её. В шестой – о суровом усмирении плоти. В седьмой – об усердии в молитве и дивном благоговении перед Таинством алтаря. В восьмой – о пламенеющей любви ко кресту Христову. Девятая [повествует] о mnogой великой её милости к сёстрам и к страждущим. Десятая – об божественных откровениях, дарованных ей. Одиннадцатая – о её преставлении и о том, что в то время

происходило. Двенадцатая – о погребении святого тела её. Под конец [будет рассказано] о чудесах, совершённых божественной силою.

НАЧИНАЕТСЯ ЖИТИЕ ДОСТОСЛАВНОЙ СЕСТРЫ АГНЕССЫ, КЛАРИССИНКИ ИЗ ПРАГИ, ЧТО В ЧЕХИИ, И

[ГЛАВА] ПЕРВАЯ: О ЕЁ РОЖДЕНИИ И ПОДВИЗАНИИ В РАННИЕ ГОДЫ

Блеск вечного Света и незапятнанное зеркало величия Божия и образ благодати вечного Отца (ср. Вульг. Прем. 7:26) Господь Иисус Христос, Чьи щедроты на всех делах Его (Пс. 144:9), с приближением конца мира, памятуя об убожестве чад своих, из возвышенного жилища своего (ср. Иер. 25:30) призрел на сынов человеческих (ср. Пс. 13:2), сидящих во тьме и тени смертной (Вульг. Пс. 106:10). И дабы в грядущих веках явить преизобильное богатство благодати Своей и благодати (ср. Еф. 2:7), Он велел в недрах (massa) рода человеческого, как бы во тьме, воссиять свету дивной святости и в сей последний час агницу сию всеблаженную вывел, словно денницу во время своё, и взойти повелел, подобно вечернице над сынами земли (ср. Вульг. Иов. 38:32), дабы в сиянии сей истинной звезды преславного подвижничества народ языческий, ходящий во тьме (ср. Ис. 9:2), направил ноги влечений своих на путь мира (ср. Лк. 1:79).

Итак, будучи из знатного семейства и происходя от царственных предков со стороны обоих родителей (ведь отцом её был Пржемысл по прозванию Отакар (I, 1155/1167 – 1230 гг.), славный король Чехии, а матерью – Констанция (1180 – 1240 гг.), сестра Его величества Андрея, короля Венгрии (Андраш II Крестоносец, ок. 1175 — 1235 гг.), отца святой Елизаветы (пам. 17 ноя.)), она благородное происхождение дивным образом украсила благоденствием. Мать, ещё нося её во чреве, увидела сон, оказавшийся предзнаменованием грядущего. Ибо виделось ей, как входит она в покои, где хранилось множество её королевских одеяний. Присмотревшись, она заметила среди них рясу с мантией серого цвета и верёвку, какой препоясываются сёстры ордена св. Клары. Весьма дивилась она, кто бы мог положить такую грубую и простую одежду среди её драгоценных облачений, и тут услышала голос, сказавший ей: «Не дивись, ибо в такую одежду облачится чадо, которое ты носишь, и будет светом всей Чехии!»

Также предзнающий будущее Бог, изволив явить грядущее прежде, чем оно свершится, соделал так, что Агнесса, только-только пришедшая в мир, по некоему чудесному побуждению телесными знаками явила знамение будущей святости. Ибо кормилица часто обнаруживала, что малышка лежит в колыбели, сложив крестообразно руки и ноги, как бы указывая, что Тот, Кто претерпел за нас муку крестную, неизменно пребудет, как мирровой пучок, у груди духа её (ср. Песн. 1:12), и что ей подобает навсегда сохранить цвет девства своего.

Когда же ей исполнилось три года, родители, желая выдать её замуж за родовитого, как и подобало ей, жениха, обручили её с неким князем из Польши. Отправили её в тот край вместе с няней и почётной свитой, и была она принята с честью в монастыре под названием Тшебница. Первые начала веры и добродетели она приобрела из наставлений дочери святой Ядвиги (Гертруда (1200 – 1267 гг.) дочь св. Ядвиги Силезской (пам. 16 окт.), была аббатисой этой обители. – прим. пер.). Позднее, живя там, она, ещё будучи маленькой девочкой, не занималась никакими

детскими глупостями, а наоборот, когда инокини входили на хор петь канонические часы, чрезвычайно часто [обнаруживали] что, преклонив колени пред образами Христа и Богородицы, она отчётливо повторяет молитву Господню и Ангельское приветствие, творя благоговейное приношение Христу и девственной Его Матери, да и подружек своих то и дело к тому же подговаривает.

Стало же так (поскольку Божий промысел уготовал ей нечто лучшее), что жених её, вышеупомянутый князь, умер, и в шестилетнем возрасте она возвратилась к отцу своему, а он отправил её в обитель Доксаны, что в королевстве Чешском, строго-настрого наказав монахиням, служившим там Господу, хорошенько воспитать её да научить грамоте. Она провела у них, преуспевая [в учёбе], целый год, и тут внутренний наставник Святой Дух, Который ни на миг не прекращает учить, так намастил и наставил её сердце помазанием милости Своей, что те [навыки], которые другими обычно приобретаются на ежедневных уроках, она получала [напрямую] от Него. Поэтому, несмотря на свой возраст, она избегала проказ и игр, свойственных другим девочкам, и хорошо ей было лишь в доме молитвы святой (ср. Вульг. Мак. 1:36) сиречь в церкви.

И вот на восьмом году жизни благородная ученица Христова возвратилась из монастыря в отчий дом, и там по причине внутреннего достоинства, которое проявлялось во всех её поступках, не только родители, но и все, кто жил рядом, прониклись к ней уважением и нежной любовью.

Наконец по прошествии некоторого времени император Фридрих (II Гогенштауфена, 1194 – 1250 гг.) чрез послов попросил её в жёны своему сыну, и родители Агнессы обручили её с упомянутым юношей посредством оных же послов. При этой помолвке случилось кое-что, о чём нельзя умолчать. Ибо хотя славное имя девы было известно почти всем, при самом обручении никто из присутствовавших не мог припомнить его, и должно было это послужить ясным указанием на то, что Агнессе подобало не со смертным человеком, но с Агнцем беспорочным, в Чью книгу записано её имя, соединиться вечным союзом.

Наконец, когда император подтвердил, что обручение состоялось в согласии с его волей, отец отправил Агнессу в сопровождении пышной царственной свиты в Австрию, где со временем герцог Австрийский должен был её выдать замуж за императорского сына. Находясь же при дворе вышеназванного герцога, она не увлеклась плотскими утехами, но в течение всего пребывания, хотя каждый в свите герцога ел мясо по обычаю здешнего окружения, она одна постилась на хлебе и вине. А в Четыредесятницу, когда даже простые слуги вышеназванного герцога употребляли молочное, она довольствовалась хлебом и вином. Не желая, однако, чтобы люди видели её постящуюся (ср. Мф. 6:16), она провела весь Великий пост настолько скрытно, что помимо няни и нескольких её наперсниц едва ли кому удалось сие заметить. Так она, алкая носить в теле своём мёртвость Иисуса Христа (ср. 2 Кор. 4:10), смиряла она нежную плоть, укрощая желания её вожжами сдержанности, дабы не оказаться мёртвою перед Богом, живя в наслаждениях. Наконец, прилежно творя милостыню и молитвы, она вверяла себя и целомудрие своё Непорочной Матери Христовой, которую избрала себе покровительницей, благоговейно прося сделать её достойной подражательницей и сопричастницей Её девственной чистоты. Потому и Благовещение Господне она до

конца жизни справляла с куда большим благоговением, чем прочие праздники, сосредотачиваясь в благочестивом размышлении на том, как нетронутая Девица, оплодотворенная росой Святого Духа, зачала и произвела на свет Спасителя рода человеческого, сохранив дар девства, единственная удостоившись имени Невесты Невестной.

Итак, по чудесному вмешательству Бога, Который уничтожает советы князей (Пс. 32:10), случилось так, что вышеупомянутый брак был сначала отложен, а затем позабыт, и когда Агнессе исполнилось уже четырнадцать лет, она возвратилась в родные края. И вот, немного погодя прибыли к родителям девы послы императора и короля Английского и наперебой просили её в жёны каждый своему государю. А во время их пребывания там одному из послов императора, рыцарю весьма прославленному, явлено было видение, достойное описания. Ибо увидел он во сне, как на голову девы опускается венец дивной величины, но она, сняв его, возлагает себе на чело несравненно лучший. Проснувшись же рано утром, обдумав увиденное и поведав другим, он, как человек душевный, непричастный духовному разумению (ср. Иуд. 1:19), истолковал сие так, что его миссия достигнет желаемого конца; якобы Агнесса, отвергнув короля Английского, выйдет замуж за того, кто выше достоинством, сиречь за императора. Но великий на небесах Бог, открывающий тайны (Дан. 2:28), сим сном изволил знаменовать, что Агнесса вскоре станет невестой Христа, и взамен тленной короны королевской увенчает Он её венцом славы вечной.

[ГЛАВА ВТОРАЯ:] О ТОМ, КАКОЕ СВЯТОЕ ЖИТИЕ ВЕЛА ОНА ПОСЛЕ СМЕРТИ РОДИТЕЛЕЙ, ПРЕБЫВАЯ В БРАТНЕМ ДОМУ

Когда же светлой памяти отец её король Отакар преставился от сей жизни, она пребывала при брате своём, наследнике королевства, прославленным государе Вацлаве (I, ок 1205 – 1253 гг.), и, восходя от силы в силу (ср. Пс. 83:8), она с годами не просто прибавляла в росте телесном, но ещё паче – в искреннем благочестии.

Ибо встав рано утром (ср. Вульг. 4 Цар. 6:15), она переодевалась и в сопровождении своих наперсниц благоговейно обходила святые храмы, которых много в Праге, и, посещая затворниц, живших при них, с великим усердием просила молитв их. Часто, когда по возвращении из трудного похода она, сильно иззябнув, [снимала обувь и грелась у огня], замечали, ноги её рдели от крови, ведь, стремясь войти в жизнь узким путём (ср. Мф. 7:14), она держалась путей трудных.

Когда наконец совсем рассветало, она отправлялась в капеллу при королевском доме [либо] в собор кафедральный и, хотя её окружала благородная свита, внимала она не пустым речам человеческим, но словесам божественным; и, войдя в церковь или часовню, оставалась там, сколько было возможно, с величайшим благоговением выслушивая несколько месс, и неустанно духом своим трезвела в молитве, участвуя с должным радением о Господе то в покаянном псалмопении вкупе с иными молебнами, то в вечернях заупокойных.

Видя же, что проходит образ мира сего (1 Кор. 7:31), она с досадой теперь принимала скоропреходящие земные почести и, по возможности пренебрегая красою мирских нарядов, тайком носила власяницу под золототкаными одеждами, приличествующими принцессе. Пренебрегая красою великолепно обставленных

покоев, спала рядом с мягкой кроватью на жёсткой убогой подстилке. Так замечательно в доме братнем она подвизалась, так алкала небесных благ и презирала земные.

Но поскольку столь светозарную свечу невозможно было спрятать под сосудом, молва и слава о её добродетелях растеклась вокруг, подобно елею, по соседним краям и даже дошла до императора. Который к брату сей девы (как прежде к отцу её) вновь отправил послов и просил его, не скупясь на обещания, не отказать в руке сестры своей. Когда ж король на сию учтливую просьбу ответил согласием, дева Христова, помышляя о Господнем (ср. 1 Кор. 7:32), объявила, что не выйдет замуж ни за кого из смертных, сколь бы ни был он знатен или высок положением, ибо желала сохранить святость плоти и духа, дабы с лилией чистых дев [в руке] последовать за Агнцем небесным. А дабы беспрепятственно продолжать свой иноческий подвиг, начатый по вдохновению Божию, она, посягая на труды большие (ср. Вульг. Прит. 31:19), сообщила о тайном своём намерении славному Христову наместнику, Владыке Папе Григорию IX (ок. 1170 –1241 гг.) через верных, умеющих хранить тайны посланцев. Ну а блаженный предстоятель, сорадуясь столь благородному радению девы, через тех же посланцев передал ей любезное письмо, укрепляя её в Господе, одобряя и подтверждая её святое начинание. И, назвав её приемной дочерью, он оделял её множеством благословений и все дни жизни своей относился к ней с нежностью любящего отца.

А раба Христова, от слов, полученных ею в ответ от Верховного понтифика, преисполнилась великого духовного утешения и тотчас же бестрепетно объявила о решении своём брату, королю Вацлаву. Король же, сие услышав, не без крайнего смущения отправил гонцов к императору, чтобы извиниться и сообщить о решении сестры своей. Как говорят, на доклад послов император ответил так: «Если бы сию обиду нанёс нам кто из людей, мы ни в коем случае не оставили бы без отмщения столь унижительное оскорбление, ибо надо полагать, что свершилось это по внушению Божию». А затем, почтив благое намерение девицы длинным похвальным словом, передал ей драгоценные дары и множество реликвий, выразив ей в письме настоятельное пожелание благополучно довершить своё спасительное начинание.

[ГЛАВА ТРЕТЬЯ:] КАК ОНА ВСТУПИЛА В ОРДЕН СВЯТОЙ КЛАРЫ

Итак, желая воплотить в жизнь выношенное в сердце намерение, блаженная дева призвала Братьев меньших, которых по провидению Божию любила паче прочих иноков, и попросила их научить её особенностям устава ордена св. Клары, которая в то время была ещё жива и обитала в окрестностях города Ассизи при церкви св. Дамиана в затворе вместе с посвящёнными девами и, как ладан, горящий на огне и благоухающий в летние дни (ср. Вульг. Сир. 50:8-9), ароматом своих добродетелей оживляла дух всего мира.

Узнав от братии, что упомянутый устав согласно духу святого Евангелия предлагает желающим вступить в вышеназванный орден продать всё имение своё и раздать нищим и Христу нищему служить в нищете и смирении, Агнесса почувствовала в этом чистую небесную красоту и молвила: «Это как раз то, о чём я мечтаю; как раз то, чего жажду всем сердцем!». И тут же велела распродать [всё своё] золото и серебро, а также драгоценные камни и различные украшения и раздать

[вырученные деньги] нищим, желая сокровища свои их руками перенести в небесные сокровищницы (ср. Мф. 6:19).

Помимо того, в подражание блаженной Елизавете, свой двоюродной сестре, она построила у подножия моста в городе Праге роскошный приют для болящих в честь святейшего исповедника Франциска, который наделила обширными доходами и владениями, поместив там Крестоносцев с красным крестом и звездой (Духовно-рыцарский орден, основанный в 1237 г. и занимавшийся главным образом опекой над госпиталями и пастырским окормлением. – прим. пер.), которым было вменено в обязанности заботиться о вышеупомянутых больных и старательно обеспечивать их всем необходимым.

Ещё она построила на свои средства в городе Праге монастырь Братьев меньших в честь вышеупомянутого славного исповедника, а также знаменитый монастырь для сестёр ордена св. Клары в честь Спасителя мира, и, любя красоту дома Божия (ср. Вулг. Пс. 25:8), дивно украсила оный, доставив туда мощи славных святых, снабдив его драгоценными сосудами и одежаниями для Божественной литургии. Когда же из Трира прибыли пять сестёр-клариссинок, которые по милости Апостольского престола были в ответ её просьбу направлены к ней, Агнесса, приняв их с великим духовным ликованием, с честью ввела их в вышеупомянутую киновию. А на следующий праздник св. Мартина семь весьма родовитых девиц из королевства Чешского, желавших сочетаться с Женихом дев узами целомудрия, присоединились к преждепомянутым сёстрам, облекшись в хабит их и приняв такое же житие.

Итак, поразмыслив о том, что в буре сей временной жизни нас беспрестанно колеблют волны нашего падшего естества и не в силах мы сосредоточиться на вышнем по причине мирских смятений, благоразумная дева ещё горячее воспылала любовью к небесам, в ближайшую Пятидесятницу в присутствии семи епископов и государя короля, брата своего, и королевы со многими князьями и баронами, а также бессчётного множества простого народа обоих полов, отказавшись от царственных почестей и отрекшись от всякой славы мирской, вместе с семьёю благороднейшими девами королевства, подобно невинной голубке упорхнула от губительного потопа века сего, [укрывшись] в ковчеге святого иночества.

Когда же она в монастыре остригла волосы и, снявши с себя одежды царственные, словно новая Есфирь, «облеклась в одежды скорби и сетования» (Есф. 4:17), то уподобилась Кларе, матери своей нищей, в одежде и поступках. Тем самым она стремительно вырвала[сь] из губительных бурь мира [и] надёжно укрепила якорь спасения своего (ср. Евр. 6:19) на скале, которая есть Христос. В сию пустыню иночества перенеслась она на крылах любви, дабы, верно храня чистоту и мир внутренний, гортанью ума вкушать сладость вечности. Замкнутая до конца жизни в сем гроте любовью к Бедняку распятому и вселюбезной Его матери, как отличная смирна, она распространила сладостное благоухание святости (ср. Сир. 24:17), ибо по её примеру многие высокопоставленные особы начали строить монастыри в Польше, а бесчисленные знатные девы и вдовы устремились к иночеству и, жительствуя во плоти [, воинствовали] сверх плоти (ср. 2 Кор. 10:3), ведя житие небесное.

[ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ:] О ПРЕДЕЛЬНОМ СМИРЕНИИ ЕЁ И ПОСЛУШАНИИ

Поскольку же для духовного делания, как прочное и твёрдое основание для прочих добродетелей, необходимо смирение, которому Господь Иисус Христос, образец совершенства, многократно научал словом и примером, то и Агнесса, будучи истинной ученицею Христовой, взирая на себя очами смирения, чувствовала себя худшей и считала, что все остальные превосходят её добродетелью.

Поэтому она до конца жизни отказывалась от первенства в обители, предпочитая смиренно повиноваться, а не повелевать другими, и по примеру Верховного Учителя (Лк. 22:27) была более расположена служить среди меньших и нижайших служанок Христовых, нежели служение принимать. Не гнушалась досточтимая дева того, чтобы натопить печь и приготовить трапезу для общины сестёр, и, с великим радением приготовив чистейшими своими руками особые блюда, передавала их с Мартой, усердной служительницей Христовой, больным и немощным братьям, стремясь насытить Господа в нищих Его. Она мыла тарелки и другую кухонную утварь с великим веселием сердца, а также тайком чистила жилища сестёр и [выносила] разного рода нечистоты, делая всякую грязную работу ради Христа.

Притом, пренебрегая природной своей хрупкостью, в изумительном преизбытке смирения она с благочестивой настойчивостью распорядилась, чтобы зловонные тряпки и грязные одежды больных сестер и прокажённых приносили к ней, и стирала их нежными руками своими, так что при частой стирке от едкой щелочи и мыла руки у неё часто трескались. Помимо того, она чинила им порванную одежду, но поздно ночью, не желая, чтобы за поступками её наблюдал никто иной, кроме Бога, ибо лишь от Него одного ожидала награды за благочестивые свои труды.

Итак, что смарагдовая печать в золотой оправе (Сир. 32:8), так сияло красотою своею благородное смирение преславной сей девы, делая её Богу милой, а людям – достоподражаемой; и Тот, Кто смиренных поставляет на высоту (Вульг. Иов. 5:11), исполнил её множеством даров божественных.

Когда же [вести о её] дивной святости дошли до слуха святейшей девы Клары, та, возрадовавшись, что [есть у неё теперь] такое славное чадо, исполненное благодати Божией, возвеличила Всевышнего, а Агнессу во многих словах любезного письма своего с нежнейшею материнской любовью уважительно похвалила, горячо поддержав в святом начинании, и передала ей как залог наследной преемственности Устав свой, утверждённый доброй памяти Иннокентием IV. Благоговейно приняв оный, агница Христова попросила блаженной памяти владыку Александра IV ещё раз его утвердить для неё и сестёр – на вечные времена. И, связав себя обетом строго следовать сему священному уставу, требовавшему множества лишений, она постоянно умерщвляла собственную волю, как бы принеся жизнь свою в жертву мирную. Ибо со всем вниманием она следила за соблюдением уставных требований, не пропуская ни йоты, ни черты из постановлений, дабы непреткновенно проследовать путём заповедей Божиих (ср. Пс. 118:32); и с великим смирением и почтением до конца жизни подчинялась велениям начальств, суровое иго святого послушания и бремя подвига иноческого ради любви к Господу почитая благим и лёгким (ср. Мф. 11:30).

[ГЛАВА ПЯТАЯ:] О ЕЁ СВЯТОЙ И ИСТИННОЙ НИЩЕТЕ

Превозвышенная нищета, которою смиренные духом приобретают Царство Небесное, так запала ей в душу, что она не хотела иметь ничего своего среди вещей преходящих и тленных, и не желала владеть ничем на земле умирающих, дабы Господь был частью её и уделом на земле живых (ср. Пс. 141:5, Втор. 18:2). Поэтому, когда достопочтенный владыка Иоанн Гайетан, кардинал апостольского престола, во время Лионского собора, собравшегося при Григории X, убеждал её в письме приобрести кое-какое тленное имущество для себя и своих сестёр, ибо дни лукавы (ср. Еф. 5:16), а времена наступают тяжкие (ср. 2 Тим. 3:1), она мужественно отвергла [это предложение], заверив его, что, скорее, предпочтёт впасть во всяческую нужду и скудость, чем хоть сколько-нибудь уклонится от [пути] Христа нищего, Который обнищал ради нас (ср. Кор. 8:9).

Когда же брат её государь король Вацлав и другие князья посылали ей щедрые милостыни, желая приобрести себе друзей богатством неправедным (ср. Лк. 16:9), она одну часть собранных с великим тщанием приобретений обращала на украшение мощевых ковчегов и наряжение церкви, другую – на нужды сестёр своих, а третью тайно распоряжалась раздавать вдовам, сиротам, прокажённым и другим нищим, дабы тем самым, как бы сняв земные тяготы с горба верблюжьего, облегчить вход через узкие врата нищеты в вечные скинии и преобширные чертоги небесные (ср. Мф. 19:24).

Наконец, по прошествии многих лет после смерти достославного государя Пржемысла по прозванию Отакар (II, 1233 – 1278 гг.), который почитал её, любя не как тетю, а как мать, и щедро снабжал всем необходимым (по попущению Бога, Который иногда позволяет избранным Своим терпеть в сем мире лишения, дабы счастливо обменяв земное на небесное, получили они вместо тленного вечное), Агнесса столкнулась с такой нуждой, что недоставало ей даже пропитания и покровов, однако переносила она это с величайшим терпением.

Ибо же однажды в пятницу, когда она села за трапезу, сёстры, видя, как страшно она ослабела, захотели попотчевать её рыбкой, но поскольку у них не было возможности её добыть, омрачила их кручина великая. Заметив сие, возлюбленная богом дева, простерши руки к небу, пресладостно улыбнулась и, благословляя всемогущего Господа на такую нищету, сказала сёстрам своим: «Восхвалите Господа, доченьки, за то, что житие мы ведём нищенское, и если сохраним нищету, как должно, Господь не оставит нас во время лютое (ср. Пс. 36:19)».

И вот, Бог всякого утешения (2 Кор. 1:3) услышал желание смиренных (ср. Пс. 9:38) и по благодати Своей оказал в столь великой нужде чудесное вспоможение. Ибо сестра-привратница, отправившись по какому-то делу к «роте» (вращающаяся деревянная башенка с подъёмником. – прим. пер.), чрез которую сёстрам поступало всё необходимое, обнаружила в [приёмном] окошке рыб, называемых фундулами, которых раба Христова охотно вкушала – причём приготовлены они были как раз как она любила. Обнаружив их, сестра-привратница постучала [в роту] и спросила, кто принес рыб и кому передать, но ответа не получила. В итоге, с великой радостью принеся их рабе Христовой, она поведала, каким образом нашла их. А святая, благодаря Подателя всех благ более за милосердие божественное, благодаря коему

сёстры укрепились в подвиге нищеты, нежели за пропитание тела её, возликовала в Господе спасения своего (ср. Вульг. Пс. 34:9).

В другой раз, когда в Чешском королевстве неистово свирепствовал страшный голод, случилось однажды в сестринском монастыре, что после богослужения, когда настал обеденный час, не нашлось ни кусочка хлеба, чтобы утолить голод. Получив такое известие от экономки, Агнесса, уповая на Господа, прибегла к молитве и заклинала Милосердного, Который, открывая руку Свою и насыщая всё живущее по благоволению (ср. Пс. 144:16), дал бы и служанкам Своим пищу их в своё время (ср. Пс. 144:15). Тем временем сестра-придверница пошла к «роте», чтобы попросить какого-нибудь монаха раздобыть хлеба сёстрам во вспомоществование, чтобы каждой хоть немножко можно было умерить муки голода. И когда она приблизилась к «роте», обнаружила, что там полным полно белейших хлебов. А кто принёс их и поместил туда, сие ведомо лишь Тому, от Кого ничего не сокрыто. Надо думать, что именно ради добродетелей святой Агнессы поместил там вышеупомянутые хлебы для затворниц Христовых Тот, Чья достоивная мощь помогла Аввакуму принести пищу Даниилу, заточённому во рву со львами (Дан. 14:31-39), и Чьё неизреченное Провидение неистощимо посылает пропитание скотам и птицам.

[ГЛАВА ШЕСТАЯ:] О СУРОВОМ УСМИРЕНИИ ПЛОТИ

С какой подвижнической строгостью сия блаженная дева укрощала своё тело, ещё живя в миру, достаточно ясно видно из сказанного прежде. Когда же она стала восходить по ступеням монашеского совершенства, дабы стяжать пальму первенства в духовной брани, она сначала укротила суровым постом внутреннего врага, сиречь чревоугодие, чтобы властно подавить плотские похоти, восстающие на душу (ср. 1 П. 2:11), и подчинить вразумлённую плоть закону духа (ср. Рим. 8:2).

Ибо в течение многих лет в монашестве она не вкушала никаких бобов, а только сырой лук, и употребляла в пищу немного фруктов, предпочитая не желудок напитывать приятными яствами, а ум – пищею божественной благодати. Также она постилась на хлебе и воде в спасительное время обычной Четыредесятницы и Свято-Мартиновой (*quadragesima sancti Martini* – пост от праздника св. Мартина 11 ноября до Богоявления; ныне укорочен и называется Адвентом. – прим. пер.), в среды и пятницы, и в кануны четырёх праздников Преславной Девы (Введение, Благовещение, Успение и Рождество Богородицы. – прим. пер.), а также на протяжении года в кануны всех святых, дабы по заступничеству их быть допущенной в славное их общество. Она не ослабляла поста даже при телесной немощи, а, наоборот, приумножала муки плоти своей и суровыми его обременяла мучениями.

Носила она узловатую власяницу из конского волоса, которую перетягивала верёвкой из такой же шерсти [, так что она врезалась] в тело. Кроме того она жестоко и часто хлестала нежную и хрупкую плоть свою узловатой ременной плетью. Не блистала она уже в золоте, как царица (ср. Пс. 44:10); не облачалась в мягкое, как прежде, когда находилась в чертогах царских (ср. Мф. 11:8), чего она и раньше избегала, но, как беднейшая раба Христова, носила убогую одежду не для украшения тела, но ради прикрытия наготы, дабы вся слава дочери Царя была внутри (ср. Пс. 44:14) – в чистой совести и красоте множества добродетелей.

Итак, от великого подвига, который она творила долгое время, исчезла краса лица её (Вульг. Иак. 1:11), иссякла сила телесная, притупилось от слёз зрение глаз её (ср. Быт. 27:1 и Плач. 2:11), плоть истребилась и кости прилипли к коже (ср. Вульг. Иов. 19:20). Так следовала она по стопам Страстей Господних, так исполняли епитимии многообразные, уповая после горечи земных скорбей достичь порога вечного утешения.

[ГЛАВА СЕДЬМАЯ:] ОБ УСЕРДИИ В МОЛИТВЕ И ДИВНОМ ЕЁ БЛАГОГОВЕНИИ ПЕРЕД ТАИНСТВОМ АЛТАРЯ

Огонь божественного томления, который всегда пылал на алтаре сердца девы, могуче влёл её ввысь постоянным молитвенным устремлением, отчего искала она в священной чаше Возлюбленного своего (ср. Песн. 5:6) и, отделённая от Него стеною смертности, в духе носила единение с Ним. Ибо же, устроив себе тайную молельню, она за закрытыми её дверцами почти постоянно, за исключением тех часов, когда ей подобало присутствовать в обществе сестёр, оставалась в уединении. Там, пылая божественным томлением, воспаряла она над самою собой на крылах созерцания. Там она потоками слёзными омочала постель совести; там, упорно прилежана молитве, вела нежные и доверительные беседы с Возлюбленным. И несколько раз случалось так, что сёстры, ожидая по какой-то необходимости возле её молельни, когда она закончит молитву, слышали, как она говорила с Господом, и улавливали голос, вроде бы как мужской, очень мягко отвечавший ей.

И вот однажды в пятницу, когда некий вельможа прибыл к ней от имени короля, одна из сестёр по имени Бенигна, что прислуживала ей, со всех ног помчалась в её молельню, чтобы позвать Агнессу к вышеупомянутому посланнику. Когда же она незаметно вошла в оную молельню, то увидела, что дева вся окружена чудесным сиянием, как бы лучезарным облаком, из-за чего совершенно не видно было лица её; только очертания человеческого тела можно было рассмотреть в этом свете. Совершенно поражённая этим зрелищем, она молча вышла и сказала упомянутому посланнику, что не посмеет мешать блаженной деве во время молитвы.

В другой раз, в день Вознесения Господня, Агнесса, читая утренние часы поодаль от сестринского хора с двумя сёстрами – Бенигной и Петрушкой – прямо посреди них исчезла. Они не смели даже слова друг другу молвить от изумления, а по прошествии часа блаженная дева вдруг снова появилась на том же месте, где прежде стояла. На вопрос вышеупомянутых сестёр, где она была, Агнесса мило улыбнулась, но не ответила. Как тут не предположить, что она в сердце своём положила вознесение по ступеням мощи (ср. Вульг. 2 Пар. 7:11 и Пс. 83:6), и вслед за Христом возносящимся совозносилась сердцем, поэтому божественная сила восхитила её ввысь даже телесно.

Также во времена Четырдесятницы, постоянно вспоминая тайны человеческого искупления, она пребывала в столь глубоком восхищении духа, что, почти непрерывно внимая небесным созерцаниям, вела среди людей жизнь, скорее, ангельскую, чем человеческую. Порою, когда она по завершении молитв приходила к сёстрам (что, впрочем, случалось довольно редко), из уст её не исходило ничего праздного или пустого, но молвила она лишь слова пламенные и медовые о

предметах небесных в назидание слушающим, едва в силах удержать слёзы и вздохи, когда между сёстрами заходила речь о Господе Боге, когда читала о Нём что-нибудь или слушала.

Однажды, когда она стала спускаться по лестнице с того места, где иногда читала и молилась около некоего окошка, древний враг, не вытерпев досаждавшей ему святости её, сбросил её с упомянутых ступеней, и упала она так, что локоть, вывихнувшись из сустава, причинял ей сильную боль в течение многих дней. И скрывала она сие по мере возможности от сестёр, ибо бальзам божественной любви смягчал [её боль].

Поведаю-ка я об одном из многих чудес, кои Господь творил силою молитвы её. Случилось как-то раз, что у брата её, государя короля, умерла малютка-дочь, и доставили её для погребения в монастырь, где обитала дева Христова. Когда же увидела она государыню королеву-мать, плачущую над умершей, проникнувшись состраданием великим, Агнесса пал ниц перед гробом и, помолившись, начала в тишине следующий респонсорий: «Ты, воскресивший Лазаря...» и т.д. (*Qui Lazarum resuscitasti a monumento fetidum, / Tu eis Domine dona requiem et locum indulgentiae, / Qui venturus es judicare vivos et mortuos et saeculum per ignem. Ты, воскресивший Лазаря смердящего от гроба, даруй, Господи, им упокоение и место прощения, Грядущий судить огнём живых, и мёртвых, и мир сей. Антифон заупокойной службы XIII в. – прим. пер.*). И вот, безжизненное и холодное тело вдруг начало согреваться и жилки на нём забились, как у живого. А душа умершей так молвила молящейся деве Христовой: «Зачем ты вызываешь меня обратно от радости к изгнанию и несчастью? Знай, что если ты сделаешь это, то ни родителям моим, ни кому-либо из живущих никогда не смогу я стать утешением». Услышав сие, дева Божия прекратила молиться о возвращении её к жизни, и тотчас же тельце, что благодаря теплоте и биению жилок показалось было живым, вновь остыло. И так в одном и том же событии явственно просияла и сила смиренной молитвы, пронизающей облака (ср. Вульг. Сир. 35:21); и благодное снисхождение Бога, с коим Он изволит внимать просьбам [святых] Своих; и благоразумие молитвенницы.

Пред таинством алтаря сия дева пылала дивным благоговением. Ибо, собираясь причаститься, она отделялась от других сестёр и преблагоговейно к сему готовилась в молитвах и размышлениях. Тело Христово она много лет принимала через окошко, нарочно проделанное для этой цели в её комнате, не желая выявлять божественного посещения и тайн своего внутреннего утешения. Ибо знала она, как пчёлка, что мёд сладчайший божественности вкушают из камня, и елей человечности – из твердейшей скалы (ср. Втор. 32:13). Когда же однажды, охваченная тяжким недугом и не надеясь уже выжить, она, преблагоговейно подготовившись, пришла отведать Непорочного Агнца по общему обыкновению, услышала сверхъестественным слухом, как Тело Господне, ею вкушаемое, говорит: «Агнесса, даже и не думай; ты отнюдь не умрёшь, пока не увидишь преставление от жизни сей почти всех дорогих тебе людей!» Как услышала она сие откровение, поведала его провинциалу и некоторым особам под условием полной тайны. А последующие события подтвердили его истинность.

[ГЛАВА ВОСЬМАЯ:] О ПЛАМЕННОЙ ЛЮБВИ КО СТРАСТЯМ ХРИСТОВЫМ И КРЕСТУ ЕГО

Страсти Господни и крест раба Его верная Агнесса любила пламенеющей любовью и каждую пятницу пред Распятьем Его пребывала в молении до девятого часа (т.е. трёх пополудни. – прим. пер.), стоя ногами души подле скорбной Матери у креста Иисусова и взирая на мучительную казнь Его взором духа, [и] по преизобилию сострадания очи её подолгу бывали печальны. Сей драгоценный крест она ради Иисуса непрерывно несла руками веры и добродетели до самой смерти. Ибо [Крест] был знаменем славы Его, лестницею восхождения к Богу, тихим пристанищем её в годину усталости. Все труды её, и тяжкие немощи, и многочисленные невзгоды, каковые она незаслуженно переносила, сие спасительное древо улащало, точно бы воды Мерры (Исх. 15:23-25). Его чудотворною силой она доставляла исцеление болящим и отгоняла назойливых бесов. То-иное пропуская, я сейчас вкратце упомяну о нескольких [таких случаях].

Некая знатная госпожа по имени София, жена некоего пражского рыцаря по имени Конрад, жила перед воротами того монастыря, где обитала раба Божия. Случилось же, что упомянутая госпожа как-то раз столь после родов ослабла, что несколько дней ни еды, ни питья не вкушала, и на вид казалась скорее трупом, чем живым человеком. И вот, однажды, как бы в исступлении духа, заговорила страдальца, молвив: «О, если бы госпожа моя Агнесса подарила мне в угощение одно-единственное яблочко из собственных рук своих!» А она многократно выказывала почтение к деве Христовой. Конрад же, супруг её, уповая, что по заступничеству преподобной девы его жена сможет обрести долгожданное исцеление, поспешил к рабе Божией и слёзно молил её предстательствовать перед Господом за супругу его и соблаговолить послать ей яблоко, уверяя, что если так будет сделано, к спутнице жизни его возвратится желанное здравие. А святая, всегда искренне жалевшая страждущих, прониклась состраданием к скорби рыцаря и ринулась в монастырский сад. Хотя ни она сама, ни сёстры, последовавшие за нею, осмотрев яблоню, не обнаружили на ней ни единого яблока, Агнесса осенила дерево крестным знаменем, призвав Пресвятую Троицу, и – чудо! – заметила три сросшихся [черенками] яблока на одной ветке. Поспешно сорвав, она послала их упомянутой госпоже Софии, сказав: «Спокойно съешь сии яблоки, чудесно данные тебе Богом, потому что от них ты по милости Господней получишь выздоровление не только тела, но и души».

Радостный муж вернулся, принеся спасительное лекарство, и, призвав имя Христово, с верою вложил его в уста супруги. Которая, почувствовав силу, сообщённую от Бога яблокам, тотчас же подняла глаза, схватила вышеназванные яблоки и стала есть их так охотно, будто никогда и не болела. Так и вышло, что выздоровела она мощью Святого Креста и по заступничеству Агнессы, а по прошествии некоторого времени, когда муж её умер, она в чине вдовьем целомудренно служила Господу и, благодаря делам милосердия став матерью всем нищим, по щедродушию своему достигла (как и предсказывала дева Божия) святости.

В другой раз одна из сестёр её монастыря, именуемая Елизаветою Ржегниковой (Rzehniconis), слегла в постель с сильной головной болью, из-за которой в течение трёх дней не могла ни двинуть головой, ни поднять взгляд, ни еды, ни питья

вкусить. Наконец одна из сестёр с трудом привела её к деве Христовой, и та, узнав о муке её, сняла с головы своей белое покрывало, велела плотно закутать им голову недужной сестры и сотворила знак спасительного креста как на голове болящей, так и на лбу. Едва она закончила, боль сразу же полностью прекратилась.

Однажды дева Христова поспешала в свою молельню, а по причине слабости её поддерживала сестра Домка из Шкворца. Когда же она подошла к дверям названной молельни, то вместе с вышеупомянутой сестрой увидела через окошко ангела тьмы в человеческом облике, [однако] ужасном и перекошенном; он стоял под каким-то деревом, словно бы опираясь на него. И вскрикнула упомянутая сестра от страха, но раба Божия, ободрив её, дабы не боялась, осенила беса крестным знаменем Божественной Троицы. Он же, не вынеся силы креста, немедля удалился с великой поспешностью.

В другой раз, опираясь на [руку] двоюродной сестры своей, королевы Елизаветы (св. Елизавета Венгерская, пам. 17 ноя.), шествовала она к вышеназванной молельне, и, когда уже собиралась ступить за порог, явился злобный враг в виде филина. Увидела его вышеназванная сестра, и показалось ей, что его хвост мешает [войти]. Агнесса же знаменем Креста Господня тотчас прогнала кровожадного зверя.

Воистину по праву творила она чудеса силою Святого Креста, ибо постоянно носила в сердце своём страсти невиннейшего агнца, закланного ради нас.

[ГЛАВА ДЕВЯТАЯ]: О МНОГОЙ ЕЁ МИЛОСТИ И К СЁСТРАМ, И КО ВСЕМ СТРАЖДУЩИМ

Милость, с каковой дева Христова относилась к ближним, проявлялась с очевиднейшей ясностью. Ибо же, когда от чрезмерного пощения Агнесса лишилась сил и по воле владыки папы, а также согласно предписанию начальства вынуждена была принять [в дар] больше, чем обычно, припасов пищи, она из того, что ей присылали для восстановления сил её истощённого тельца, велела потчевать слабых и больных сестёр. И сама она, весьма часто их посещая лично, внимательно заботилась обо всех их нуждах. Как птица птенцов своих под крыльями (ср. Мф. 23:37), так же нежно баюкала она их в объятиях своей всеохватной материнской жалости.

Милосердная и щедрая ко всевозможным нуждающимся, она оставалась чрезвычайно скупа и строга к себе. Нуждаясь, она кормила других, а сама с бледным от поста лицом томилась муками голода (ср. Juvenal, Sat. XV, 102). Также и всем страждущим, как в миру живущим, так и монашествующим, оказывала она сострадание и помогала каждому, кто к ней обращался, молитвою к Богу и средствами человеческими. Ибо она помогала беглецам и узникам обрести былую свободу, вызволяла преступников, осуждённых на смерть или истязаемых пытками, примиряла [с Богом] сомневавшихся в вере и всем по мере сил пособляла достичь желаемого.

Ибо Всемогущий Бог наполнил её сердце такой милостью, такая благодать разливалась в устах её (ср. Вульг. Пс. 44:3), что она не только радовалась с радующимися и плакала с плачущими (ср. Рим. 12:15), но если кто скорбел по какой-либо причине, если кого угнетало несчастье или сокрушала неудача, она всех, кто

был достоин, утешала сладкозвучием ласковых слов. Если же Агнесса понимала, что ту или иную сестру стоит за что-либо упрекнуть, то отнюдь не замалчивала вины её, но, ища спасения ближним, делала это с великой милостью и мудростью; и видно было, что сильнее она корит тех, кого любит больше. Попрекнув же сестру и святыми речами направив ко благу, смиренно падала ей в ноги со словами: «Прости меня, сестрица возлюбленная, если я чём-нибудь огорчила тебя!» Ибо она очень старалась не побеспокоить сестёр, особенно же необоснованно.

А о прегрешениях людских она из глубины сердца своего издавала громкие стоны, слезами горькими оплакивая их духовное падение больше, чем телесную смерть родственников. К заслуженной её радости Владыка всех возлюбил её (Прем. 8:3), ибо она так искренне возлюбила ближних своих.

[ГЛАВА ДЕСЯТАЯ:] О БОЖИИХ ОТКРОВЕНИЯХ, ДАРОВАННЫХ ЕЙ

Пожалуй, не должно обойти молчанием, что скрытое и отдалённое она знала, словно явное и близкое. Ибо, когда сын её брата, государь Пржемысл по прозванию Отакар (II) отправился в Австрию на войну против Рудольфа (I, 1218 – 1291 гг., первый Габсбург на престоле Священной Римской империи. – прим. пер.), кесаря римского, сёстры с древом Святого Креста и иными реликвиями часто ходили процессией вокруг своей обители, благоговейно вознося покаянные псалмы во спасение названного короля. И вот однажды, проходя в процессии вместе с другими сёстрами, Агнесса увидела, что упомянутый король тяжело ранен и двое мужей высокого роста ведут его между собой. Сообщив о сем видении сёстрам, она высказала мысль, что это бесовский обман, ведь она, мол, недостойна откровений свыше. А в то время, как сие видение явилось её взору, вышеупомянутый король был ранен врагами, схвачен ими и умерщвлён (в битве у Сухих Крут 26 августа 1278 года. – прим. пер.). Таким образом ряд событий подтвердил впоследствии и истинность сказанного.

В другой раз несла одна из сестёр красивые на вид яблоки, которые некий мирянин попросил её передать рабе Господней. Победённая похотью очей, она забрала себе одно яблоко, но в итоге, мучимая совестью, она положила его обратно и вручила Агнессе все, что несла ей. Любезная Богу дева присмотрелась к ней, взяла яблоко, которое упомянутая сестра пожелала, прибавила ещё одно и, протянув ей, сказала: «Хорошо ты поступила, дочка, вернув яблоко, ибо лучше тебе получить два яблока без угрызений совести, чем одно со грехом». И опочил дух Елисея на Агнессе (ср. 4 Цар. 2:15), ибо она видела события, от коих телесно отстояла, присутствуя при них духом.

Другая сестра, по имени Эрменгарда Маленькая, в полной тайне много молитв излила ко Господу о чём-то. Однажды раба Божия присмотрелась к ней и с некоторой строгостью сказала: «Перестань умножать молитвы, кои ты постоянно возносишь ко Господу о том-то, ибо то, что ты просишь у Бога, неприемлемо!»

А когда умирали сёстры, жившие вместе с Агнессой, она обязательно провожала их с нежным состраданием и, находясь рядом, смиренно вымаливала у Бога прощения для них, ибо часто узнавала духом наказания и наказания некоторых, и заслуги.

Ибо как-то раз некая сестра в отсутствие рабы Божией наговорила слов поносных и, не совершив за то подобающего покаяния, через какое-то время преставилась от сей

жизни. И вот однажды дева Божия, предаваясь молитве в одиночестве, услышала, как душа сестры вопиет подле молельни её, смиренно признаваясь в вине своей и всеми силами умоляя святую простить ей ради Бога, мол, иначе она никак не избежит наказания.

Другая сестра по имени Бригида, что вместе с девою Христовой вступила в монастырь, отличалась достойным нравом была весьма ею любима. И когда после многих похвально проведённых в ордене лет она тяжело заболела и, наконец, преставилась от сей жизни, Агнесса – хотя и много горевала, пока та болела – о смерти её никаких признаков скорби не выказала. Ибо она видела, как святые ангелы приступили к ней, кадили над её телом и многую ему оказывали учтивость.

В конце концов многие стали замечать, что все её предсказания о будущем, даже по прошествии долгого времени обязательно сбывались, причём в том виде и порядке, как она говорила, что будет ясно из некоторых приводимых ниже примеров. Воистину, ум её, исполненный духом вечности, для которого нет ничего прошлого, ничего грядущего, для которого всё обнажено и открыто (Евр. 4:13), знал не только сокровения сердец и [утаённые] поступки, но мог и о будущем рассуждать, точно о настоящем или прошедшем.

[ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:] О ЕЁ ПРЕСТАВЛЕНИИ И О ТОМ, ЧТО В ТО ВРЕМЯ ПРОИСХОДИЛО

Итак, подошла пора, когда изволил Христос взять рабу Свою Агнессу из сего мира и ввести её в небесный чертог, дабы вознаградить её за труды венцом правды (ср. 2 Тим. 4:8). Начиналось время Великой четырёхдесятницы, когда она имела обыкновение удаляться не только от часто посещавших её мирских почитателей, но и от сестёр, по примеру Христа, одиноко постившегося сорок дней и ночей в пустыне. Когда же во время названной Великой четырёхдесятницы она, едино Богу внимая, постилась в пепле и вретнице и со слезами молитвенно просила милостивого Бога, чтобы, если пристала к ней какая нечистота от общения с людьми, то да очистит Он её омовением умилоствления, случилось однажды, что была рука Господня на ней (ср. 3 Цар. 8:46), и все силы телесные у неё начали убывать, а затем она слегла от чрезвычайно обострившегося недуга. Ну а с наступлением воскресенья третьей недели Великого поста, чувствуя, что близится её блаженное преселение от сего мира, о чем она тайно поведала близким друзьям, весьма немногим, христианнейшая дева с искренним благоговением в присутствии братьев и сестёр укрепила перед дорогой спасительным Напутствием, сиречь Телом Господа нашего Иисуса Христа, и помазанием святого елея.

И пока это происходило, некая сестра того же монастыря, именем Катерина Эрхардова, более десяти лет мучившаяся телесными болезнями, а особенно болью в ногах (из-за чего была прикована к постели и с места на место перемещалась с тяжким трудом с помощью сестёр), услышала, что раба Христова Агнесса, испытывавшая к ней особую привязанность, уже причастилась Тела Господня и помазана святым елеем, громким голосом воззвала к отсутствующим сёстрам. Когда они прибыли, Катерина с крайней настоятельностью потребовала, чтобы ей помогли дойти до девы Христовой. Когда же её привели к Агнессе, сестра расплакалась. И безутешно повторяла она слова скорбные: «Увы мне,

возлюбленная матушка, почто покидаешь ты дочерей своих и меня особенно?! И кто меня, несчастную, утешит, дражайшая дева, коли ты умрёшь?» А дева Христова, тронутая её несчастьем, сказала: «Не плачь, Катерина, ибо невольное обретёшь утешение от Господа!» И когда больная вместе с другими сестрами стала настойчиво упрашивать святую, чтобы та осенила её крестным знамением, а она по смирению не согласилась, страдающая сестра осторожно взяла её за руку и приложила к больному месту. Едва она это сделала, охватила её такая боль, что, казалось, будто все жилы рвутся. Пропотев немного, она собралась с силами и стала ходить перед всеми и с тех пор превосходно ходила до самой смерти. Не может быть сомнений, что Господь изволил свершить сие ради прославления дивных заслуг рабы Своей, дабы та, что при жизни сияла святостью, также и при смерти возродилась в славе знаменитого чуда.

Теперь, хотя у неё почти не осталось телесных сил, она была сильна и пламенна духом; то усердно молилась; то сестёр своих, кои о предстоящем по её смерти сиротстве своём проливали горячие слёзы, утешала добрыми словами; то с материнской нежностью увещевала их стремиться к вершинам совершенства, говоря: «Доченьки мои драгоценные, изо всех сил храните любовь к Богу и ближнему да старайтесь подражать смирению и нищете, каковы блюл и каковым учил Христос, в неизменной покорности Римской Церкви по примеру святейшего отца нашего Франциска и блаженной девы Клары, ибо они передали нам сей иноческий устав, зная наверняка, что, как милосердный Господь никогда не покидал их, так и нас Его кроткая милость вовек не оставит, если вы усердно будете следовать их уставам и примерам».

Итак, весь вечер и последующую ночь старалась она запечатлеть сии и иные спасительные увещания в сердцах сестёр и как вечное завещание оставила им [наказ] неукоснительно соблюдать [уставы], а на следующий день (то был понедельник), прониклась она некоей радостью, и на лице её виднелась улыбка, и вся как будто сияла до часа шестого (т. е. примерно до полудня. – прим. пер.). А после того, как братья начали в девятом часу мессу, примерно в то время, когда Спаситель человеческого рода, вися на кресте ради нашего искупления, предал дух Свой, сия вселюбезная Богу раба, вверив душу свою в руки Отца Небесного, в год благодати тысяча двести восемьдесят первый, в шестой день до мартовских нон (т.е. 2 марта. – прим. пер.), блаженно почил в Господе и в окружении сонма ангельского счастливо вступила в радость вечную.

О блаженная дева, которая после сорока шести лет приобщения Христовым страстям в подвиге иноческом улучила час смерти Его и сквозь рассеявшийся мрак смертности немигающим взором ясно созерцаешь Бога богов во святом Сионе (ср. Вульг. Пс. 83:8)! О душа, всеугодная Богу, которая, освободившись из земной темницы, в вольном стремлении к небесам присоединяется к священнопоющим ликам [небожителей] и, упоённая богоданным потоком радости вечного славословия и благодарения, сладкозвучно возглашает медвяные песни об избавлении от мирских забот в похвалу славы Царя (ср. Еф. 1:14 и Пс. 44:14).

[ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:] О ПОГРЕБЕНИИ СВЯТОГО ТЕЛА ЕЁ

Итак, сёстры, точно дочери, лишённые утешения любящей матери, наполнили монастырь стонами; обильные слезы орошали лица девичьи. Подняв же святое тело, отнесли его на хор, где оно простояло без погребения две недели, источая столь дивное благоухание, что все приближавшиеся к нему исполнялись необычайной сладости. Также и руки её невинные всякому, кто касался их, казались не окоченелыми и жёсткими, как у мёртвых, а мягкими и податливыми, как у живых.

В течение же оных четырнадцати дней в сестринскую обитель каждый день приходили Братия меньшие и воздавали святым мощам честь, служа мессы и свершая бдения. Да и почти весь город, собираясь в толпы, каждый день стекался к монастырю, где люди с величайшим настоянием требовали, чтобы хотя бы через решётку дали взглянуть на оное блаженное сокровище – дар щедрой милости Божией. Когда же тело стали чаще показывать взволнованному народу, то многие перстнями, поясами и прочими вещами прикасались к нему с великим благоговением, надеясь, что ради славных заслуг девы, прикладываясь к вышеупомянутым вещам, обретут долгожданное исцеление, что впоследствии нередко и случалось по вмешательству милости божественной. Наконец сестры, не в силах более выносить постоянного напора людской толчеи, с почтением уложили тело в новый деревянный гроб, а крышку его, привешенную на железных скобах, крепко заколотили большим железным гвоздем.

Весть о кончине славной девы быстро распространилась повсюду, и в итоге достоверные сведения о том достигли некой госпожи по имени Схоластика из Штернберка, славной нравом и родом, которая нежно любила деву Христову и благоговейно ей служила. Она же со всей возможной поспешностью прибыла в город Прагу и, обливаясь слезами, умоляла сестер (поскольку у неё было разрешение от апостольского престола) позволить ей войти в монастырь и увидеть тело многолюбезной её госпожи. Сначала они заявили, что не в обычаях сего монастыря впускать во время Четырдесятницы мирян, хоть даже и с разрешением, и добавили, что даже если она войдёт, тело увидеть не получится, но, побеждённые настойчивостью её просьб, уступили. Итак, она вошла в монастырь и возле гроба, в котором покоилось вышеупомянутой тело, с горькими слезами пала ниц, а одна из сестёр, подходя к гробу, всё ворчала, неужели, мол, придётся открывать его, ибо это, казалось ей, будет тяжело и сложно. Едва ж она подошла к гробу, гвоздь, который был крепко вбит, на виду у присутствовавших и к их изумлению сам выскочил и со звоном упал на пол. Гроб открыли, и тело предстало взорам. А свершилось сие, очевидно, никак иначе, как манием Вышнего, имеющий ключ Давидов (ср. Отк. 3:7, автор обыгрывает созвучие слов *clavus* и *clavis*, т.е. «гвоздь» и «ключ». – прим. пер.), ради заслуг великой девы во утешение той, что любила её.

Между тем от братьев (меньших) и сестер (клариссинок) были отправлены посланцы к досточтимому мужу, владыке Товии, епископу Пражскому (1278–1296 гг.), а затем и к аббатам окрестных монастырей, с настоятельной просьбой, чтобы кто-нибудь из них приехал предать погребению святое тело с подобающими почестями. Когда они, сославшись на различные занятия, отказались приезжать (что случилось по тайному совету Божию, постановившему нечто иное, ибо незадолго до смерти своей славная дева предрекла, что ни епископу, ни какому-либо прелату

иною ордена, но только минориту суждено похоронить её тело, причём такому монаху, которого прежде никогда не видали на Чешской земле), на четырнадцатый день после её кончины, то есть на следующий день по Неделе Страстей Господних, приехал досточтимый отец, брат Бонаграция (Болонский, ум. 3 окт. 1283 г.), генеральный служитель (1278–1283 гг.) [Францисканского ордена], и в присутствии множества братьев чинно и благоговейно предал погребению драгоценные мощи в капелле Пресвятой Девы Марии (во исполнение просьбы самой Агнессы, которая во время болезни своей слушала там святые литургии).

В течение нескольких дней, когда сестры заходили туда помолиться, чувствовали дивное благоухание.

И случилось однажды, что одна из сестёр, войдя в прежденазванную капеллу помолиться, задремала и увидела во сне деву Христову, которая на смиренный вопрос, почему от её могилы исходит столь прекрасный аромат, ответила, что это из-за присутствия святых ангелов, которые посещают её тело.

Поистине справедливо было, что тело её источало сладкий запах после смерти, ведь она и при жизни, как цветник ароматный (ср. Песн. 6:2), посеянный небесным аптекарем, восхитительно благоухала цветами добродетелей, а ныне, пересаженная к цветам небесным, вновь расцветши, подобно розе, во славе вечного счастья, сладость всяческих пряностей превосходит [ароматом своим].

ЭПИЛОГ

Наконец-то Возлюбленный её, что бел и румян (ср. Песн. 5:10), из-за любви к Кому она отвергла смертного жениха, заключил её в целомудренные объятия на небесах. Наконец-то смиренная раба получила от Него в эфирных чертогах награду: вместо пепла венец славы, вместо плача временного — елей вечной радости (ср. Ис. 61:3). Наконец-то вместо крайней бедности одарена она сокровищами вечного счастья и, сидя на хорошей пажити (Иез. 34:1) и у многоводных потоков (ср. Вульг. Песн. 5:12), вместо самоограничения в полноте вкушает сладость божественную. Наконец-то, одетая в священный одежды веселия (ср. Иуд. 10:3) и украшенная, как невеста, убранством достоинств своих (ср. Ис. 61:10), вступила она в царский дом истинного Артаксеркса (ср. Есф. 2:16) и навек соединилась с Ним сердечными узами любви. Где с дочерьми Сиона, возрадовавшись о Царе своём (ср. Вульг. Пс. 149:2), с ликованием взирает на лицо Его (Вульг. Иов 33:26) и насыщается полнотою видения славы Божией. Каковой славы да соделает нас причастниками по предстательству и заступничеству сей славной девы Спаситель всемилостивый Иисус Христос, Кому со Отцом и Святым Духом всякая честь и слава во веки веков. Аминь.

О ЧУДЕСАХ, СВЕРШЁННЫХ ЧЕРЕЗ НЕЁ БОЖЕСТВЕННОЙ СИЛОЮ

Всемогущий Бог, Который по милости Своей наделяет святых Своих даром чудотворения, всем на диво прославил Агнессу, блаженную деву, растеньице плодovitое, святейшей Кларою насаждённое в королевстве Чешском, не только выдающимися подвигами, но и многими чудесными знаменами, силою Своею милосердно мудро помогая призывающим её имя в нуждах и опасностях. Дабы и сам Бог в святых Его был паче возвещаем и восхваляем, и ревность верующих к

почитанию сей прославленной девы возрастала, решил я хоть упомянуть о некоторых из сих чудес, впрочем, краткости ради, о немногих.

ЧУДЕСА

У королевы Чехии, государыни Гуты (Юдита Габсбург, 1271 – 1297 гг.), жена государя Вацлава (II, 1271 – 1305 гг.), была при смерти дочь Маргарита (Маркета Пржемысловна, 1296 – 1322 гг., в будущем – замужем за Болеславом III Расточителем. – прим. пер.), и она, уповая на заступничество преславной девы Агнессы, велела отнести её в пражский монастырь и возложить на гробницу вышеназванной девы, а на надгробие в дар пожертвовать драгоценный покров во славу Бога и упомянутой девы. Когда повеление было исполнено, малышка, лёжа на гробнице, вдруг чихнула; и её, насытив молоком у кормилицы, принесли к матери совершенно здоровую. После этого она прожила ещё много лет.

Государыня Елизавета, королева Чехии (Элишка Пржемыслова, 1292 – 1330 гг.), супруга прославленного государя Иоанна (Слепого, 1296 – 1346 гг.), короля вышеназванного королевства, беззаветно любила своего первенца, ибо был он ещё крохотен и один у неё. И как-то раз, когда она находилась в стольном городе Праге, а вышеупомянутый её сын пребывал со своими кормилицами в замке, что назывался Локоть (Hrad Loket, около г. Карловы Вары, названием обязан форме излучины реки Огрже, на которой стоит. – прим. пер.), находящемся на расстоянии более двух дней пути от указанного города, однажды ночью внезапно охватила его тягчайшая болезнь, так что он оказался на краю могилы, а государыня мать совершенно не подозревала, что с ним происходило. А когда ночью названная государыня королева собиралась уснуть, услышала во сне голос, говорящий ей: «Не спишь?» Когда же она во сне ответила «нет», голос прозвучал снова, сказав: «Ведь ты часто просишь многих добрых и благочестивых людей ходатайствовать за тебя перед Господом, так почему же не молишься тётке своей святой Агнессе о заступничестве, ведь предстательством её могла бы добиться исполнения любого желания?» Государыня же спросила, где она может найти её, коль она уж мертва, на что голос снова молвил ей: «Не мертва, но пребывает в монастыре св. Франциска и прекрасно себя чувствует». Услышав сие, королева, поднялась в видении с постели и поспешила в вышеназванный монастырь. И подойдя к решётке, то есть окну, у которого сидят сёстры, она стала стучать в указанное окно со словами: «Есть ли здесь кто из сестёр?» А когда какая-то из находившихся внутри монахинь ответила, что есть, государыня спросила её: «Есть ли здесь, в монастыре, моя тётя, святая Агнесса?» Когда сестра сие в итоге подтвердила, упомянутая государыня сказала ей: «Ступай и скажи ей, что я Елизавета, королева Чехии, дочь короля Вацлава, и смиренно попроси её от моего имени подойти сюда мне». Когда же Агнесса в видении подошла к вышеупомянутому окну, королева увидела её лицо – совершенно такое же, как было прежде, при жизни, с той лишь разницей, что на диво похорошело оно и сияло необычайно. Узрев сие, королева преклонила колени перед решёткой и сказала ей: «Молись за меня, дорогая тётушка, ибо страдаю я от страшной муки сердечной, и хотя точная причина сего мне не ведома, знаю, что ты вымолишь у Господа всё, чего только ни попросишь». Агнесса же, отвернувшись от неё, сказал: «Зачем мне молиться за тебя?» А королева, опечалившись до крайности, рухнула под решёткой наземь, сказав: «Тётя, молись за меня, ибо я не сойду из этого места, а скорее лягу

тут и помру в муке сердечной, если ты не заступишься за меня перед Господом!» Тогда дева Христова, обернувшись, молвила: «Ступай с миром, ибо я помолюсь за тебя!» Ну а на следующий день пришёл гонец от свиты её сына и сказал ей: «Государыня королева, пожалуйста мне награду за добрую весть, ибо сын ваш, в исцелении коего мы уж было отчаялись, с помощью Божией выздоровел». Услышав такое, государыня, хоть и перепуганная болезнью ребёнка, но осчастливленная выздоровлением его, уразумела увиденный сон, поскольку он с очевидностью осуществился на деле, и тотчас же отправила сёстрам монастыря, где похоронена дева Христова, прекрасную свечу и драгоценную ткань для украшения гроба, а также изрядную милостыню, горячо умоляя их воздавать достойное благодарение Богу, имеющему власть жизни и смерти (ср. Прем. 16:13), и деве славной Агнессе, по предстательству коей и заступничеству, как утверждала королева, единственный её сын был исторгнут из пасти смерти.

В другой раз та же государыня Елизавета, королева Чехии, после рождения второго ребенка на третью ночь [после родов] внезапно тяжчайше занемогла, да так, что от лютой боли совсем не узнавала знакомых. А когда все вокруг неё, как врачи, так и прочие уже изверились в том, что она выживет, болящая, как могла, призвала святую деву на помощь, пообещав в сердце и вслух заявив пред всеми, что если по славному её заступничеству исцелее от столь тяжкой болезни, то будет всеми силами и любыми возможными средствами добросовестно добиваться её канонизации. И едва она молвила это, тотчас же по вмешательству силы Божией почувствовала облегчение горячки, а затем обрела желанное исцеление.

Некий мальчик, по имени Мартин, сын госпожи Маргариты из города Праги, охваченный тяжкой немощью, так обессилел, что ни звука [от него не доносилось], ни [признаков] чувства [он не подавал], ни биения жилки не удавалось нащупать. Взяв мальчика [на руки], тётя его по Кунегунда, совершенно не понимая, жив он или мёртв, вошла (по грамоте, дарованной ей Апостольским престолом) в монастырь сестер [-клариссинок] и возложила его на гробнице святой Агнессы, а пока все сёстры умоляли святую деву о помощи, она дала обет за ребенка, и он тотчас же, словно бы восставленный из преисподней, получил от Бога столько сил телесных, что, когда его передали кормилице, он тут же так бодро стал сосать грудь, будто и не страдал до того никаким недугом.

У одной сестры по имени Домка, дочери господина Домаслава из Шкворца, жившей в монастыре девы Христовой в Праге, было четыре лихорадки подряд. Когда же подумали, что она совсем безнадежна, дали ей причаститься Тела Господня и помазали святым елеем. Затем родственница, сестра Юнка из Лисника, накрыла её мантией блаженной Агнессы, так как думали, что она вот-вот умрёт. Ну а она, лёжа под упомянутой мантией, увидела великий свет и рассмеялась, так что сёстры, стоявшие рядом, подумали, что она совсем лишилась разума. И такое сильное благоухание исходило от вышеназванной мантии, что, укрепившись им, Домка пропотела и силою Христовой выздоровела.

Другая сестра того же монастыря, по имени Врацка из Уезда, так тяжело болела, что оказалась при смерти. И когда ей по обычаю стали читать отходную, а многие сочли её мёртвой, она на одре смертном призвала на помощь Агнессу, деву святейшую, прося вымолить ей у Господа ей хоть одну каплю в знак исцеления, и дала обет

заказать три мессы: скорее во славу святой, нежели за упокой души её. Когда Врацка молвила эти слова, чудотворная сила угодницы вылечила её, и, не забывая об обете своём, она заказала мессы, но по нерадению священника их не отслужили. А когда настала годовщина девы Христовой, упомянутая сестра поспешила вместе с прочими сёстрами на всенощное бдение у гроба святой. Когда ж она оказалась там, нахлынул приступ прежней болезни, и она с огромным трудом добралась до постели. Уразумев из сего, что её обет не исполнен, она его повторила и старательно добилась исполнения и, наконец, по заступничеству святой Агнессы, обрела окончательное исцеление.

С другой сестрою того же монастыря, по имени Людка из Турнова, случился страшный сердечный приступ и, казалось, что она уже в муке предсмертной. Сёстры же, взяв вина, в коем прежде были омыты благословенные кости святой Агнессы, дали ей выпить. И как только она вкусила его немного, силою Божией пошла на поправку.

Муж некий по имени Пржибко, слуга господина Кунсо из Гержманиц, что в Пражской епархии, во второй день Пасхи поспешил в церковь с прочими верными. И во время торжественной литургии Воскресения Господня он вдруг прямо в толпе народа рухнул наземь, лицо его переменялось в цвете, начались смертные корчи. И вот знатный муж по имени Николай из Наздиц сказал стоявшим рядом: «Срочно бегите к госпоже моей супруге и побыстрее принесите волосы святой Агнессы, которые у нее есть». Когда их привели и облили водой, а затем с силой открыли рот страдальцу и влили ему в рот и горло оную воду, он, вкусив её тотчас же встал и, воздав благодарение Богу и славное деве Агнессе, на глазах у всех и ко всеобщему же изумлению, вернулся из церкви совершенно здоровым.

У одной молодежи, многими именуемой маленькой Ванкой из Праги, был при себе пучочек волос Агнессы, и когда переправлялась через реку Влтаву, то случайно упала с лодки в реку и стремительно увязла в глубоком песке. Погрузившись в него, она благоговейно призывала на помощь деву Агнессу, и в итоге на неё лодочники и вытащили её из песков, как из могилы.

Другую девицу по имени Кристина, дочь Готфрида, эконома пражской обители Братьев меньших, как-то раз поразил некий недуг, отчего её тело полностью покрылось синими и жёлтыми пятнами, так что все, кто видел её, думали, что она обречена, коль приобрела такой жуткий цвет. Она тоже, отчаявшись в человеческих средствах, воззвала с молитвою к Агнессе, слёзно прося её святым своим заступничеством избавить её от этой болезни, твёрдо обещавши, что, если выживет, то в целомудрии проведёт дни свои. Дивное дело! Дева, благоговейно призванная девицею, скоро и здоровой её соделала, и последовательницей Царицы дев. Ибо, как только она излечилась от своей болезни, приняла иночество, и то, что обетовала на словах, старательно воплотила в делах.

<...>

Один раз сестра Домка из пражской обители ордена святой Клары, дочь Домаслава из Шкворца, помогала в меру сил сестре-кухарке готовить еду для других сестёр. Когда же она попыталась налить воды в котелок, висевший над огнем, случайно упала ничком в огонь и, падая, а затем и лёжа в огне, вскричала: «Святая

Агнесса, помоги мне!» А когда поднялась из ненасытного пламени, у неё не обнаружилось ни малейших подпалин на одежде, ни каких-либо повреждений на теле.

В одном доме, где стоял стул, на котором часто сидела дева Христова, случился пожар, и хотя оный стул слегка с краю обуглился, однако же не сгорел посреди буйного пламени, и до сих пор сохранился в память о том событии.

Однажды река близ клариссинского монастыря в Праге разлилась так, что залила большую часть монастыря и часовни, в которой было погребено тело святой Агнессы. И когда одна из сестёр по имени Елизавета, дочь господина Альберта из Любшича, стремглав ринулась в вышеупомянутую часовню, желая вытащить из гробницы деревянный гроб, в котором хранились кости девы, случайно упала в воду и полностью в неё погрузилась. Но одна из сестёр, по имени Зденька Павликова, протянув ей вервие (свой верёвочный пояс, характерный для францисканцев. – прим. пер.), помогла выбраться из воды. Когда ж она вышла, ни на теле её, ни на одежде не осталось и следа влаги, что, несомненно, случилось по заступничеству святой Агнессы.

Другая сестра, по имени Ютка из Лещан, когда святая Агнесса ещё пребывала непогребённой, хотела тайком от сестёр отрезать ноготь с большого пальца её ноги и хранить как святыню. Когда она начала это делать, обильно хлынула кровь. Жутко перепугавшись, она вытерла кровь льняною тряпицей, отчего та в большей части покраснела от упомянутой крови, а впоследствии по заступничеству несравненной девы помогала в исцелении многих недугов. Ну а вышеназванная сестра, боясь, как бы ее не слишком осудили и не наказали за упомянутое [повреждение мощей, вызвавшее] поток крови, простёрлась вместе с другою сестрой пред похоронными носилками, моля милосердного Господа и милостивую деву остановить означенный поток, что и исполнилось.

Было много и других знамений, которые Господь соблаговолил совершить по заслугам сей славной девы, ибо Он не только [исцелял] болящих, но и потерянные вещи помогал найти, милостиво снисходя ко всем, кто взывает к Нему. Поэтому выше я лишь вкратце пробежался по ним, чтобы более достойные и искусные хвалители имели возможность при желании побольше прибавить к сему на хвалу Бога и сей всеславной девы.

МОЛИТВА

О, дева милостивая, удостоенная радости благополучно пристать к берегам небесного отечества, воззри на наименьшего и худшего из рабов Божиих, который сбивчивой речью кое-как набросал очерк твоих славных деяний, и взор сострадания обрати на него, равно как и на всех чтущих тебя. Нас, несчастных, что всё ещё носятся по волнам моря и, средь стремительных вихрей его мчась на плоту плоти, не знают, удастся ли достичь твердого берега, твоими святейшими молитвами извлеки из пучины ничтожества и илистой грязи, дабы не захлестнула нас буря, сиречь суета многовидная, и чтобы не поглотила нас бездна проклятия вечного. Умоли Царя славы, всеблаженным созерцанием Коего ты услаждаешься ныне, да направит нас Своей могучей десницей среди волн сего океана, чтобы мы прошли посреди между Харибдой и Сциллою, избежав обеих опасностей, и, сберегши корабль с грузом,

благополучно достигли пристани вечного счастья. Что по твоему святому заступничеству и молитвам да подаст нам Тот, Кто есть Бог благословенный, прехвальный и превозносимый во веки веков (ср. Дан. 3: 56). Аминь.

Христу посвящённая дева госпожа Агнесса, сестра Вацлава, четвёртого короля Чехии, вступив во францисканский орден, в подражание святому отцу Франциску, который в качестве прообраза трёх орденов (мужского, женского и светского. – прим. пер.) воздвиг три церкви, тоже построила три пышные церкви в Праге. Первую – в честь Спасителя всех, где сестричество её собиралось вместе с нею. Вторую, поблизости – в честь Святой Богородицы Марии и блаженного Франциска, для Братьев меньших, свершавших таинства для неё сестёр-клариссинок. Третью – в приюте своём, тоже в честь св. Франциска, для ордена Крестоносцев, только что созданного тогда Агнессой с помощью братьев меньших по повелению самого Господа, тех самых рыцарей с крестом и звездой, которым она вверила этот приют, богато одарив его из королевских своих имуществ, дабы они верно служили больным и немощным, а также всем принимаемым туда убогим, как в мирских, так и в духовных нуждах.

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW